

Сай Юн

Свободная посадка

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ю49

Юн С.

Ю49 Свободная посадка / Сай Юн. – М.: Литнет, 2026. – 222 с.

ISBN 978-5-521-99389-5

Он просто хотел дожить до конца смены. Дан Ясень – обычный московский таксист с двенадцатилетним стажем, хронической усталостью и термосом остывшего кофе. Всё, о чём он мечтает, – доехать до дома и рухнуть лицом в подушку. Но однажды ночью он подвозит странного пассажира в плаще. Тот касается его виска – и мир переворачивается с ног на голову. Вернее, остаётся на месте, просто Дан теперь видит то, что скрыто от обычных людей. Домовые в подьезде, кикиморы в трубах, ведьмы в «Пятёрочке» и призраки, которые вечно забывают адрес.

Магический мир оказался прямо под носом, и ему почему-то очень нужно такси. Теперь у Дана две работы: днём он возит людей, ночью – нечисть. Платят лунным светом, обещаниями и домашней выпечкой. Штрафуют за отсутствие магической лицензии. А ещё в его машине поселился нахальный домовой, который требует везти его на рынок за гречкой.

Внимание: книга вызывает приступы смеха и желание вызвать такси. Автор предупреждает – не все попутчики из этого мира.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99389-5

© Литнет, 2026
© Юн С., 2026

Пролог

Дождь в Москве в час ночи – это не просто погода. Это приговор. Это испытание на прочность человеческой психики, дворников и резины. Капли размером с пятак разбиваются о лобовое стекло, и дворники «Тойоты» с хриплым скрипом сдают экзамен заново каждые три секунды.

Дан Ясень держал руль левой рукой, а правой тянулся к термосу с остывшим кофе. Смену он начал двенадцать часов назад, и сейчас его организм работал на чистом упрямстве и надежде, что кто-то закажет поездку в сторону дома.

– Ну давай, – пробормотал он, глядя на экран планшета, прилепленного к торпедо. – Последний. Самый добрый. Самый щедрый. Экран моргнул.

Новый заказ. Район Якиманка. Подача к набережной.

– Якиманка, – протянул Дан, вглядываясь в карту. – В час ночи. По такому дождю. Либо у кого-то романтическое свидание пошло не по плану, либо это призрак.

Он нажал кнопку «Принять» и поехал.

До места он добрался за семь минут. Навигатор привел его к тихому переулку, где фонари горели через один, а сталинские дома смотрели на мир тяжелыми, сонными окнами. Ни души. Дан остановился у обочины, включил аварийку и огляделся.

Фигура появилась из-под арки бесшумно, словно материализовалась из дождя. Высокий мужчина в длинном темном плаще с капюшоном, надвинутым так низко, что лица не разглядеть. Шел он неспешно, но как-то... плавно, что ли. Ступни касались асфальта, но брызги разлетались не так, как положено по законам физики.

Брызг вообще не было.

Дан моргнул. Решил, что просто устал. Или что это оптический обман из-за дождя и бликов фар.

Мужчина открыл заднюю дверь, и салон наполнился запахом озона и... полевых трав? Странно. Обычно от пассажиров в час ночи пахнет либо перегаром, либо дорогим парфюмом, которым они пытаются этот перегар перебить.

– Доброй ночи, – сказал Дан, поворачиваясь. – Куда едем?

– Доброй, – голос у пассажира оказался низким, спокойным, с легкой хрипотцой. – На Воробьевы горы. К смотровой площадке.

– Серьезно? В такой ливень? – Дан не удержался. Профессиональное любопытство – или просто человеческое – иногда брало верх. – Там сейчас даже фонарей нет.

– Знаю. – Пассажир слегка повернул голову, и край капюшона откинулся ровно настолько, чтобы Дан успел заметить светлые волосы, высокий лоб и... странный блеск в глазах. Будто в зрачках горели маленькие золотые искры.

– Ладно, – Дан пожал плечами и включил счетчик. – Ваше право.

Он вырулил на набережную и двинулся в сторону моста. Дождь усилился, барабания по крыше с таким энтузиазмом, будто пытался пробить ее насквозь. В салоне повисла тишина. Дан включил радио, но приемник вдруг зашипел, выдавая вместо музыки странный треск, похожий на далекие голоса. Он выключил его.

– Давно за рулем? – вдруг спросил пассажир.

– Двенадцать лет. – Дан покосился в зеркало заднего вида. Пассажир сидел неподвижно, сложив руки на коленях. Пальцы были длинные, бледные, с крупными суставами.

– И как тебе? Нравится возить людей?

– Ну... – Дан задумался. Вопрос был простым, но почему-то прозвучал так, будто от ответа что-то зависело. – По-разному. Люди – они такие. Кто-то молчит, кто-то жалуется на жизнь, кто-то истории рассказывает. Работа как работа.

– А истории ты любишь?

– Смотря какие. – Дан усмехнулся. – Один мужик в прошлом месяце всю дорогу доказывал, что его теща – ведьма. Seriously.

Говорил, она его приворожила к своей дочери, а теперь мучается, потому что не может расколдовать.

– И что ты ему ответил?

– Сказал, что если теща ведьма, то пусть хотя бы бензин по дешевке делает. – Дан хмыкнул. – Он не оценил.

Пассажир издал тихий звук, похожий на смешок.

– А ты, – продолжал Дан, чувствуя, что тишина в салоне становится какой-то плотной, вязкой, – сам-то откуда в такую погоду? Свидание?

– Можно и так сказать. – Пассажир чуть наклонился вперед. – Встреча. Важная. Очень старая встреча.

– С кем? – Дан уже въезжал на мост. Внизу, под фонарями, тяжело вздыхала Москва-река.

– С тобой, Дан.

В салоне вдруг стало очень тихо. Дождь перестал барабанить. Радио замолчало. Даже двигатель, казалось, замер, хотя стрелка тахометра упрямо показывала полторы тысячи оборотов.

Дан резко дернул головой к зеркалу.

– Откуда вы знаете мое имя?

– Я много чего знаю. – Пассажир подался вперед, и его рука легла на спинку водительского кресла. Длинные бледные пальцы оказались в нескольких сантиметрах от плеча Дана. – Ты задавал правильные вопросы. Всю жизнь. Только ответов не слышал. Слишком громко было вокруг.

– Слушайте, – Дан почувствовал, как по спине побежали мурашки. Профессиональное чутье таксиста вопило, что что-то здесь не так. Он нащупал под сиденьем монтировку – старый водительский талисман. – Давайте спокойно доедем, хорошо? Без философии. Я просто водитель.

– Именно. – Голос пассажира стал мягче. – Просто водитель, который всегда возвращал потерянные вещи. Который ни разу не взял лишнего. Который вытащил девчонку из машины, когда у нее случился припадок за рулем, хотя сам чуть не попал под фуру. Который...

– Хватит! – Дан резко нажал на тормоз. «Тойота» дернулась и замерла посреди моста. Дождь за окном продолжал идти, но звук не проникал в салон. Тишина стояла неестественная, ватная. – Кто вы? Съёмка? Скрытая камера? Прикол?

– Никакой камеры. – Пассажир наконец откинул капюшон.

Под ним оказалось лицо мужчины лет сорока с небольшим. Светлые волосы, спутанные дождем, падали на высокий лоб. Глаза – серые, с золотыми крапинками в глубине радужки – смотрели спокойно и... бесконечно. Словно за ними была не черепная коробка, а огромное пространство, в котором можно заблудиться.

– Меня зовут Радомир, – сказал он. – И я должен кое-что тебе вернуть.

– Что? – Дан сжал монтировку крепче. Сердце колотилось где-то в горле.

Радомир улыбнулся. Улыбка была грустной.

– Твое зрение.

Он протянул руку и коснулся пальцами виска Дана.

Касание было легким, почти невесомым. Но мир вокруг – раз – дернулся, как сбившаяся с частоты картинка в старом телевизоре.

Дан хотел закричать, но не смог.

Потому что он увидел.

Мост, по которому они ехали секунду назад, вдруг стал прозрачным, и под ним, в черной воде реки, проплыло что-то огромное, чешуйчатое, с глазами размером с автомобильные фары. На фонарном столбе, свесив хвост, сидел лохматый зверек с угольными глазками и скалил пасть в беззвучном смехе. А на капоте его собственной «Тойоты», прямо перед лобовым стеклом, пританцовывала маленькая фигурка в мокром платочке, похожая на сморщенного ребенка, и с интересом заглядывала в салон.

Дан выронил монтировку. Она упала на коврик с глухим стуком, но Дан его не услышал. Он слышал другое. Шепот. Множество голосов, которые шептали на разных языках, перебивая друг друга, смеясь, плача, жалуясь, угрожая.

– Что... – выдохнул он. – Что вы со мной сделали?

– Вернул то, что запечатал семнадцать лет назад, – спокойно ответил Радомир, убирая руку. – Ты всегда был зрячим, Дан. Просто я решил, что так тебе будет спокойнее жить. Но время пришло.

– Какое время?! – Дан попытался повернуться к нему, но не смог оторвать взгляд от фигурки на капоте. Она уже сползла на асфальт и теперь разглядывала колесо, постукивая по нему крошечным пальцем. – Кто это?!

– Домовой. Соседний. Проверяет, не занята ли твоя машина. – Радомир поправил воротник плаща. – Не бойся. Он безобидный. Просто любопытный.

– Безобидный?! – голос Дана сорвался на фальцет. – Он... у него глаза как бусины! И он лазит по моей машине!

– Привыкнешь.

– Я не хочу привыкать! – Дан попытался схватить пассажира за плечо, но рука прошла сквозь плащ, словно тот был соткан из тумана. – Верни всё обратно! Немедленно!

– Не могу. – Радомир открыл дверь и вышел под дождь. Капли проходили сквозь него, не смачивая одежды. Он наклонился к окну. – Спасибо за поездку, Дан. И прости. Но ты нужен. Этому миру – и другому тоже.

– Какому другому?! – заорал Дан, выскакивая из машины.

Но на мосту уже никого не было. Только дождь, ветер и далекие огни Москвы, которые вдруг показались Дану такими же живыми, как и всё, что он только что видел.

Он обернулся к своей «Тойоте».

На заднем сиденье, свернувшись клубочком на пассажирском кресле, спал... маленький лохматый мужичок в лаптях и жилетке. Тот самый, с фонарного столба.

Дан медленно закрыл дверь.

Потом открыл снова.

Мужичок не исчез. Он громко всхрапнул, почесал пяткой ухо и пробормотал во сне:

– Гречка нынче дорогая... ох, разорение...

Дан прислонился спиной к холодному мокрому металлу, поднял лицо к небу и позволил дождю стекать по щекам.

Над Москвой, сквозь тучи, наконец-то выглянула луна. И в ее свете Дан впервые увидел, как над крышами домов летят странные тени, как в окнах многоэтажек мелькают силуэты, непохожие на человеческие, и как где-то на горизонте, там, где Останкинская башня упирается в небо, медленно вращается огромное золотое колесо.

Он моргнул.

Колесо исчезло.

Но он знал, что оно там. Что теперь он это видит.

– Ладно, – сказал Дан сам себе голосом человека, который только что потерял право называться обычным. – Ладно.

Он сел за руль, завел двигатель и покосился в зеркало заднего вида. Мужичок в лаптях продолжал спать, тихонько посапывая.

– Куда тебе? – спросил Дан у спящего домового. – Или ты так и будешь ездить бесплатно?

Мужичок не ответил. Только улыбнулся во сне и подтянул колени к животу.

Дан вздохнул, включил дворники и медленно тронулся с места.

Впереди была ночь. И новый, совершенно безумный мир, который отныне стал его реальностью.

Прозрение

Первый удар по реальности нанёс будильник.

Дан открыл глаза и понял три вещи одновременно. Первая: он понятия не имеет, как добрался до кровати. Вторая: голова раскалывается так, будто в ней поселился отбойный молоток, которому скучно. Третья: кто-то на кухне гремит посудой.

Он лежал на спине, уставившись в потолок, и пытался собрать воедино события прошлой ночи. Мост. Дождь. Пассажир в плаще. Касание. А потом... ничего. Провал. Чистый, как совесть младенца, и такой же информативный.

– Твою ж мать, – прошептал Дан и сел на кровати.

Комната закачалась, но устояла. Квартира выглядела как обычно: старый диван, который помнил ещё нулевые, телевизор с толстой кинескопной задницей, стопка книг на подоконнике, которые он собирался прочитать когда-нибудь, когда выйдет на пенсию. Всё на своих местах. Даже тапки стояли ровно, как солдаты на плацу.

На кухне снова загремело. Теперь ещё и заскрежетало.

Дан натянул штаны, сунул ноги в тапки и пошёл на звук. Он ожидал увидеть что угодно: от грабителя до крысы, устроившей дискотеку в кастрюлях. Но реальность, как это часто бывает, превзошла ожидания.

На кухне, стоя на табуретке, маленький лохматый мужичок в лаптях и выпцветшей жилетке пытался достать с верхней полки пачку гречки. Он был ростом с пятилетнего ребёнка, весь в каких-то древесных стружках, с бородой, в которой могла бы поселиться семья воробьёв, и смотрелся на кухне Дэна так же естественно, как слон в посудной лавке.

– Ты кто? – спросил Дан, хотя догадка уже шевельнулась где-то в глубине воспалённого мозга.

Мужичок обернулся. Глаза у него оказались чёрными, как маслины, и смотрели они на Дэна с выражением глубочайшего неодобрения.

– Гречка где? – вместо ответа спросил мужичок.

– Что?

– Гречка, говорю. Вчера была на верхней полке. Справа от соли. Куда дел?

Дан моргнул. Потом моргнул ещё раз.

– Ты... ты домовой?

– А кто же ещё? – Мужичок спрыгнул с табуретки, приземлившись на пол с удивительной лёгкостью. – Судибор меня звать. А ты Дан, знаю. Живу у тебя уже три года. Только ты меня раньше не видел.

– Три года?!

– Ну да. – Судибор прошёл к холодильнику, открыл его и критически осмотрел содержимое. – Вон, помнишь, прошлой зимой ключи потерял? Нашёл потом под диваном? Это я подкинул, чтоб не волновался. А летом у тебя кран на кухне потек? Я его полтора часа закручивал, пока ты на работе был. А ты даже спасибо не сказал. – Он захлопнул холодильник с таким видом, будто лично обижен на всё человечество. – Пусто у тебя. Ни гречки, ни молока. Как ты вообще живёшь?

Дан медленно опустился на табуретку, которую только что освободил домовый, и уставился в стену.

– Так, – сказал он очень спокойным голосом. Голосом человека, который балансирует на грани между принятием реальности и тихой панической атакой. – Вчера меня коснулся странный мужик в плаще. После этого я начал видеть тебя. И вон того, – он махнул рукой в сторону окна, – тоже.

За окном, на карнизе, сидел серый воробей с неестественно большими глазами и внимательно следил за происходящим. В клюве у него была зажата крошечная сигарета, которую он время от времени затягивался с видом бывалого уголовника.

– А, Федька, – махнул рукой Судибор. – Он с соседнего двора. Брось, говорю, курить, не слушается. Весь в саже, зараза.

– Федька? – тупо переспросил Дан.